

Постсоветские протестанты между Церковью и Университетом

© М.Н. Черенков, 2013

Михаил ЧЕРЕНКОВ, ДХУ, Донецк, Украина

Михаил Черенков – доктор философских наук (религиоведение), специалист в области философии религии, истории протестантизма, современной религиозной ситуации в постсоветских странах, государственно-церковных отношений, христианского образования, социальной теологии. Ректор Донецкого христианского университета, вице-президент международной Ассоциации «Духовное возрождение», редактор серии «Национальные евангельские авторы». Автор четырех сборников статей и двух монографий. Женат, трое детей.

Осмысливая себя в интеллектуальном контексте современности, теология учится быть «смиренной» и «щедрой»^[1], т.е. учится благодарно принимать и щедро делиться, что предполагает, по меньшей мере, интенцию на добрососедство и взаимное признание среди других наук и культурных традиций. Смиренная теология ищет попутчиков^[2], не отказывается от советов и, собирая все доступные ресурсы, задается смелым вопросом об «оправдании будущего»^[3], о предвосхищении такого будущего, в котором теология станет важной составной частью, возможно, осью новой духовно-культурной эпохи, нового осевого времени, а возможно и свидетелем *последнего времени*.

Задаваясь вопросом о диалоге и взаимном обогащении с академической наукой, теология острее, чем когда ранее, переживает свое несводимость к науке, свою *простоту* по сравнению с последней. А в этой вновь оцененной простоте теология открывает тайну веры, риск связи, подаренную близость к Богу.

В этом смысле евангельские Церкви вполне современные, т.е. происходящее с ними современно,

[1] Soloviy R. Theology of the Emerging Church: Postmodern Epistemology and the Interpretation of Scripture // Theological Reflections. Euro-Asian Theological Journal. – 2010. – #11. – PP. 76-93.

[2] Смит Д. На пути в Эммаус. Надежда во времена неопределенности. – К.: Відкрита Біблія, ДУХ І ЛІТЕРА, 2011. – 152 с.

[3] Дубровский М. Оправдание будущего как богословско-социальная задача // Реформация vs Революция. Философско-религиозная тетрадь №2. – М., 2011. – С. 38-47.

одно-временно с отмеченными общими тенденциями в теологии. Постсоветским евангельским протестантам почти нечем гордиться в отсутствии развитой теологии и богатой книжной культуры. Но именно в этом моменте смирения протестантам становится доступным *иное* будущее, такое будущее, которое не следует обязательно из предыдущего опыта, но возникает из простейшего доверия Богу и сложнейшего интеллектуального дерзновения *начать* теологию в *конце* ее традиций.

Итак, находя себя в ситуации общей интеллектуальной усталости и разочарования в возможностях науки, теология глубже переживает свою специфичную простоту, и лишь из нее способна рефлексировать и продолжать интеллектуальный диалог с постсовременностью. **Мы намерены показать, что свойственная евангельским Церквам простота, и удивительная при этой простоте интенция на интеллектуальное присутствие и свидетельство академическому сообществу, призывают проектировать теологический образ будущего на основании переоткрытия Евангелия и оправдания Университета как места для дискуссий о теологии в ее связи с миром.**

Поворот к простоте наблюдается в разных традициях, эта синхронность и всеобщность не может не обращать на себя внимания как определенный знак, проявление общей закономерности в развитии христианства и теологии как его (христианства) самопонимания.

Возвращение к Евангелию и его непредвзятые прочтения, поиск новых форм общинности, оживление церковной жизни, переоткрытие забытых ценностей благодарения, общения, служения становятся знаками постисторического христианства, т.е. такого христианства, которое переживает конец крупной исторической эпохи, или истории в целом.

Простота евангельских Церквей вызывала и вызывает критику со стороны кабинетных теологов или сектоборцев из других конфессий, более богатых теологией. Очевидно и для самих протестантов, что возможность рефлексии, систематизации теологии, теологизации Церкви, развития ее интеллектуальной культуры нужно было использовать. Такая возможность сохраняется и теперь, упущенное время нужно наверстывать. Обращать не книжность из слабости в достоинство – безответственно перед Богом и людьми.

Но не менее безответственно, заботясь о развитии теологии, использовать устаревшие концепции и подходы, мыслить возможность и специфичность теологии внутри старой картины мира.

Конечно, либеральная теология первой половины прошлого века выглядит более прогрессивной по сравнению с теологией евангельских Церквей, унаследованной из второй половины века позапрошлого. Но сегодня собственно в теологическом плане обе малопригодны.

Ход истории таков, что в постсовременности все оказались в растерянности, и модернистские, и домодернистские виды теологии выглядят

одинаково неадекватно. Евангельские христиане, некнижные и простые, как и их западные прогрессивные братья, преуспевшие в развитии систематики и разнообразных «теологий родительного падежа», оказались в схожей ситуации, когда из всего их исторического багажа может быть мало что востребовано, лишь самые простые, неделимые элементы, *атомы теологии*.

Возникает вопрос: **как развивать теологию со всей интеллектуальной ответственностью, удерживая во внимании тот обескураживающий факт, что богатство традиции может быть обесценено?** Это более сложный вопрос, содержащий в себе два простых и исключающих вопроса, которыми задавались ранее. Как создать собственную традицию теологии для евангельских Церквей, упорствующих в своей простоте? Как вернуться к реальности духовного опыта и простого доверия тем, кто искушен теологическим знанием и богат его традициями?

Сегодня обесценились теолого-культурные формы, в которых знание и опыт выражались и передавались, поэтому возникает сложный вопрос об их новой связи – о теологии, удерживающей непосредственность духовной жизни с высочайшей ответственностью за ее интеллектуальное выражение. И этот пункт в истории теологии может стать общей отправной точкой для диалога и совместного пути представителей разных традиций, в том числе для постсоветских евангельских христиан, ранее сберегавших дистанцию от подобных вопросов и тех, кто ими задается.

Где и как проектируется будущее? Из оснований теологии, как их новое, более актуальное, более перспективное прочтение. А также извне – из внешних источников, в которых наиболее ярко представлен образ становящегося, возникающего мира. Первому наиболее соответствует Церковь, насколько она хранит связь с основаниями веры. Второму – университет, насколько он сохраняет преемственность интеллектуальной традиции и способен продлить ее жизнь в будущее, вновь доказать связь традиции и жизни.

В своем теологическом проектировании, поиске адекватного образа, формировании «видения», евангельские Церкви могут использовать и внутренние, и внешние ресурсы. **Неисчерпаемым внутренним ресурсом теологического проекта остается, прежде всего, библейское учение, актуальность которого проявляется в каждой эпохе с новой силой, равно как радикальное несовпадение аутентики Евангелия с уже сложившимися интерпретационными практиками и традициями.**

Евангелие, от которого взяли свое самоназвание протестантские постсоветские Церкви, обязывает человека к личному решению, судьбоносному выбору. Выбрать свой образ будущего – право и ответственность христиан и Церквей, в которых они добровольно объединяются. Теология евангельских Церквей должна стать теологией евангельской, основанной действительно на Евангелии как первооснове, первообразе христианского способа жизни, мышления, служения миру.

Для евангельских Церквей, опирающимся на библейские основания и открытым к внешнему миру, одинаково малопривлекательны радикальные варианты с определением теологии *только внутри* Церкви, или *только внутри* науки.

Наиболее благодатным местом для внецерковной теологии можно считать *университет*. Там поиск не прекращается, а мысль достигает пределов, там говорят о Боге, хотя бы споря с Ним или отрицая Его. Соглашаясь быть в университете, дерзая быть испытанной его умами, теология находит свой актуальный образ, проектирует свое будущее соразмерно с духовно-культурным развитием мира.

Для большинства протестантов теология возможна только как теология Церкви. Теология в университетах якобы граничит с вольнодумством и не служит интересам Церкви. Но если теология евангельских Церквей – *теология евангельская*, то она выражается не только в Церкви, но и в университетах, как и в любых других собраниях людей, захваченных предельным смыслом. Приближаясь к юбилею Реформации, евангельские протестанты вспоминают, что Лютер был не только монахом и проповедником, но и профессором Виттенбергского университета; а его предшественник Ян Гус был ректором Пражского университета.

Таким образом, *университет становится местом для проектирования теологии в ее современной контекстной форме*, а университетская теология (теология, выраженная в интеллектуальной форме, отвечающей требованиям современной университетской науки) может способствовать интеграции всей «суммы теологии» в культурную жизнь общества.

Безусловно, сам университет как научно-образовательный институт общества, устаревает в прежних формах, и нуждается в реформации. Но даже при этом он остается тем местом, где продолжается поиск смыслов, в желаемой предельности граничащих с полем теологии; где продолжают дискуссии о присутствии/отсутствии Бога и возможных последствиях для научной картины мира.

Университет остается перекрестком, где история либо пересекается с будущим, отсекается будущим, либо продлевается в нем. В то же время Церковь остается наиболее консервативным институтом общества, развитие которого продолжается лишь по инерции. Вот почему, сохраняя связь с Церковью, теология должна не только свидетельствовать в университете, но и находить в нем живую связь времен, движение, динамику перемен, развивающие вызовы.

Примечательно, что в начале прошлого века в университетах Украины и России развивалось мощное христианское студенческое движение, возглавляемое видными евангельскими христианами – профессором В. Марцинковским и пастором П. Николаи. Несмотря на декларированную «христианскость», движение было ближе к *университету*, чем к Церкви

в ее конфессиональных проявлениях. Сегодня эта тенденция возвращается – *университетское христианство* меж- или скорее неконфессионально, поэтому теология в пределах университета всегда будет отличаться от теологии внутрицерковной. И в этой разности есть как опасности, так и преимущества; последние вполне реальны, если только Церковь не устранилась от диалога с *университетскими теологами*.

Евангельские Церкви бедны историей и теологическими традициями, это обязывает и учит их смирению и простоте, но это же освобождает их для новой эпохи и свободного выбора такого актуального образа, такого проекта будущего, в котором они смогут вернуться к утраченной связи между простотой Евангелия и интеллектуальным дерзновением для свидетельства «эллинам» и другим «совопросникам века сего».

«Что общего между Афинами и Иерусалимом; между Академией и Церковью?», – этот вопрос Тертуллиана для постсоветских протестантов остается неразрешимым. Ответы даются разные, крайние из них явно неприемлемы. «Церковь должна оставаться Церковью», утверждают лидеры церквей. При этом необходимость в образовании тоже не отрицается, но статус Университета намеренно занижается. Чаще всего образование рассматривается как «служанка» Церкви, не самостоятельная, подчиненная.

Как использовать блага образования для Церкви, не размывая ее идентичности? Так проблема формулируется сегодняшними пасторами и профессорами. После многих десятилетий подполья Церковь ставит перед собой задачу демаргинализации. Образование – главный фактор перемен в способе жизни и мысли. Без него в богословии и социальной позиции будут господствовать частные мнения или коллективное бессознательное «братства». Образование нужно, это признают, но оно не во всем подвластно Церкви, не удерживается ее границами, а потому оказывается фактором риска для сложившейся системы и ее хранителей. Образование трансформирует систему или даже ломает ее, открывает навстречу реальной жизни и общественным переменам. Самой же системе такой эффект не нужен, ей нужно воспроизводство того, что есть. Для «системы» образование – вопрос имиджа и легитимации. Наличие собственной «системы» образования и образованных придает Церкви позитивный имидж в глазах общества и легитимирует ее претензии на интеллектуальный и моральный авторитет. Очевидно, что такой «заказной» характер образования рано или поздно дискредитирует саму идею церковно-ориентированного образования.

За пределами «заказной» логики образование становится неудобным, но зато развивающим и сближающим с внешними интеллектуальными центрами. «Образование по-протестантски» как идеальный тип мыслится *между* церковью и университетом, в пространстве встречного движения, в амплитуде колебаний, в зоне напряженности между этими полюсами влияния. Пока же Церковь проявляет заинтересованность в одностороннем движении, получая от образования интеллектуальный имидж и

конкретно-прикладные знания. Университет как содружество наук рассматривается как источник полезных знаний и техник мысли и деятельности. В церковных кругах предпочитают говорить об использовании образования для Церкви. О влиянии же образования на Церковь говорят почти исключительно в негативном смысле.

От Церкви к университету может выстраиваться многоступенчатая лестница образования, но на практике она обрывается уже на первых ступенях, не восходя к образованию среднему и высшему. Тем не менее, связать эти два образующих начала, два главных субъекта образовательного пространства, проложить между ними мосты общения и обмена, жизненно необходимо. Для Университета связь с Церковью восстанавливает историческую основу собственной традиции, преемственность религиозно-культурного синтеза; дает опыт встречи с духовным наследием, сверхрациональным знанием, фундаментальной этикой, живым сообществом людей, интересующихся знанием и смыслом. Для Церкви это необходимо, чтобы обрести в связи с миром образования актуальные знания о внешнем мире, динамику для внутренних изменений, а также найти в образовании способ своего присутствия, места и формы для своего свидетельства людям думающим, читающим, ищущим.

Если Церковь не преодолет свою самососредоточенность, ее «образование» и ее «образованные» кадры будут пригодными лишь в орбите ее же притяжения. Открываясь навстречу миру в миссионерском и преобразующем движении, Церковь встречает не только Голливуд или Макдональдс, но и Университет, в диалоге с которым подвергается серьезному и честному испытанию, ее вера становится понимающей, ее внутренняя жизнь динамичной, а богословие – научно соразмерным и мировоззренчески актуальным.

Без таких собеседников Церковь будет обречена на аутизм - ее лучшие умы будут спорить с собой, сами себе присваивать докторские степени, себя же награждать за донкихотские победы над еретиками и атеистами. Лишь Церковь, которой нужен Университет, нужна Университету.

Модерн иссяк, но Церковь и Университет по-прежнему, по-модернистски отчуждены друг от друга. Продолжая бездумно повторять лукавые просветительские и совнаркомовские слова об отделении Церкви от государства и школы, мы обрекаем и Церковь, и Университет на ненужное и нелепое противостояние. На самом деле, Церковь и Университет вполне могут рассматриваться как *образующие* начала образовательного пространства.

Понимание Церкви и Университета в традиции постсоветских протестантов таково, что разводит эти начала вдаль друг от друга, рассматривает их в разных, непересекающихся плоскостях «церковного» и «нецерковного». Подобные разделяющие подходы формировались в условиях изоляции Церкви, которая была вытеснена из общественной жизни. Но и сегодня это отчуждение Церкви и Университета сохраняется. Раньше

Церковь в лице ее активных представителей не могла присутствовать в Университете, а тем более влиять на его атмосферу. Теперь двери Университета открыты, уже не говорят «вам сюда нельзя», но деликатно интересуются «а кто вы?», «а с чем вы пожаловали?» «а что вы можете привнести в жизнь Университета, его дискуссии, его судьбу?».

И вот итоговый и ключевой тезис: **отчуждение Церкви и Университета продолжается не потому, что Университет закрыт или «антихристиански» настроен, но потому что Церковь не может и даже не старается выразить свою веру в подходящих для Университета формах и подвергнуть ее интеллектуальному испытанию в дискуссиях.** Так «маргинальность» Церкви прикрывает и оправдывает неготовность церковного руководства к ее преодолению.

Казалось бы, советский опыт маргинализации уже двадцать лет преодолевается, происходит постсоветская социализация Церкви. Но эта социализация, т.е. включение Церкви в общественную жизнь, даже в своей программной части, а в практической и подавно, – частичная, неполноценная, фрагментарная. Например, все согласны заседать в советах и президиумах, получать ордена, землю, здания, льготы. Но учить школьников и студентов, писать статьи и учебники, быть подотчетным интеллектуальному сообществу и честно отвечать на непротокольные вопросы, вникать в тонкости образовательных моделей и научных теорий, предлагать конструктивные богословские коррективы и критические замечания – интересно ли это епископату?

Нынешние возможности Церкви в образовательном пространстве превышают уровень готовности, способности, ответственности ее представителей. Университет выглядит слишком сложной средой и слишком малоприбыльным проектом для церковных миссий и богословских комиссий. Но именно здесь готовится будущее, формируется мировоззрение молодых людей. Даже если говорить языком ныне вездесущего рынка, более оправданных инвестиций, чем инвестиции в образование, придумать невозможно. Во что инвестирует сегодня Церковь? Явно не в образование. Значит, будущее она теряет, точнее, получает такое будущее, в подготовке которого она не участвовала, и которое не будет отвечать ее ожиданиям.

Уже не от объективных условий, но в первую очередь, от самоопределения Церкви зависит ее влияние на Университет, характер ее связи с миром образования и науки. **К настоящему моменту сложились объективные основания интеграции Церкви и Университета в единое образовательное пространство** – диверсификация образовательной системы в постсоветском обществе, легитимация богословия в научно-образовательной среде, интеграция в европейский и общемировой образовательный процесс. Образование становится внутренне плюралистичным – по идеологии, методологии, парадигматике. Богословие Церкви вполне может выразиться в адекватной академической форме и занять достойное место в структуре Университета.

При очевидных объективных основаниях в пользу интеграции, остаются сильными «субъективные» антитезисы против сближения Церкви и Университета – богословские противоречия в «философии образования» постсоветских протестантов, диспропорции в структуре церковных служений, кадровые и ментальные пережитки советской системы и их ограничивающие влияния на образовательные инициативы Церкви.

Образование в широком плане и участие Церкви в судьбе Университета как одно из его важных направлений открывают путь к демаргинализации Церкви в постсоветском обществе, но сталкиваются с внутрицерковным противодействием на этом пути. К сожалению, постсоветские пролетарские комплексы и предубеждения работают против христианской интеллигенции в Церкви, против ее активной роли и против самой ее (интеллигенции) возможности.

В то же время и Церковь, и Университет зреют к «новому», пребывают в поисках интегральной «философии образования». Вместо того, чтобы ругать Университет, Церковь может предложить ему недостающее, духовно-воспитательное начало. Апология Университета нужна сегодня как никогда ранее. Вряд ли разрушение университетской культуры рациональности послужит торжеству евангельской истины.

Христианский Университет и христиане в Университете – соответственно, программа минимум и программа максимум для Церкви, открывающейся Университету как собеседнику, совопроснику, сотруднику в формировании интеллектуальной культуры и ее носителей.

Университет – не только место служения, куда христиане должны прийти и куда должны принести уже известную им истину. Университет – место настоящей, недогматичной жизни, рождения новых идей и концепций, встреч и общения.

И Церковь, и Университет – места, в которых человек образуется (в этом смысле не только Университет, но и Церковь дает образование, образование *образа* мысли, жизни, личности) и *преобразуется*. Формирование христианской интеллигенции, которой так бедна Церковь и которая так нужна для апологии веры в эпоху постхристианства и нового атеизма, происходит одновременно в Церкви и Университете, в общей для них образовательной среде.

Продолжающийся спор сложившихся образов, моделей, традиций Университета и Церкви заставляет задуматься о других, неконфликтных образах. И здесь нужна не столько историческая работа по отбору и склейке подходящего и проверенного материала, сколько богословская работа по формированию еще не виданного, ранее не возможного способа отношений Церкви и Университета. Богословское самоосмысление Церкви и богословие Университета – два направления, которые должны сходиться.

Университет должно видеть как публичное место свидетельства и дискуссий. Присутствие Университета требует дерзновенного перехода

от богословия Церкви к миссиологии в образовании. В определенном смысле Церковь не имеет собственного пространства, она присутствует везде, «посреди нас», в том числе и в Университете. Будущее Церкви связано не только с возрождением храмовой литургии, но и с рождением литургии университетской. Здесь миссиология торит новые пути экклезиологии. Церковь в Университете трансформируется в Церковь Университета.

Связь с Университетом важна для Церкви не только потому, что Университет влиятелен. Вполне возможно, что постхристианская культура окажется и культурой постуниверситетской. При «закате метанарраций» сгущаются сумерки и там, и здесь. Не только влиятельный Университет нужен Церкви, теряющей влияние на интеллектуалов. Если умрет Университет, Церковь утратит один из главных языков культуры, важный канал общений, рациональную основу коммуникации с миром. Но и Церковь нужна Университету как обновляющая сила, как логосная основа, как сообщество небезразличных. Если будут утрачены христианские корни интеллектуальной традиции, Университет в его узнаваемых формах умрет.

Без Университета теологию некому будет писать и читать. Без Церкви университетская наука лишается серьезности и становится ни к чему не обязывающей игрой. Так Церковь и Университет выявляют в своем развитии неизбежную предназначенность друг другу. Так пути веры и разума в их последовательном продвижении сходятся.

В своем расширении Церковь наталкивается на границы Университета. Обойти стены Университета и сфокусироваться на более легких миссионерских полях означает пренебречь интеллектуалами как малодостигнутой аудиторией и интеллектом как малоиспользованным Божьим даром.

Таким образом, выстраивая связи между Церковью и Университетом, постсоветские протестанты могут формировать и церковное, и академическое богословие, обогащая тем самым Университет и обогащаясь Университетом.

Литература

- Дубровский М. Оправдание будущего как богословско-социальная задача // Реформация vs Революция. Философско-религиозная тетрадь №2. – М., 2011. – С. 38-47.
- Смит Д. На пути в Эммаус. Надежда во времена неопределенности. – К.: Відкрита Біблія, ДУХ І ЛІТЕРА, 2011. – 152 с.
- Soloviy R. Theology of the Emerging Church: Postmodern Epistemology and the Interpretation of Scripture // Theological Reflections. Euro-Asian Theological Journal. – 2010. – #11. – PP. 76-93.